

An aerial photograph of the Eiffel Tower in Paris, France, taken during the 'golden hour' of sunset. The tower is the central focus, its dark silhouette contrasting with the warm, orange and yellow light of the setting sun. The sky is filled with large, billowing clouds that catch the low light, creating a dramatic and colorful backdrop. In the background, the dense Parisian skyline is visible, with various skyscrapers and buildings illuminated by the ambient light. The foreground shows the base of the tower, surrounded by green lawns and trees with autumn-colored foliage. The overall mood is serene and picturesque.

12+

Иванова Людмила Геннадьевна

Вечер на инструктиве

Людмила Геннадьевна Иванова

Вечер на инструктиве

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23884352

SelfPub; 2018

Аннотация

Иногда, многие люди, пережившие утрату, словно умирают внутренне и становятся как статуи, не подвижные. Как говорит, моя подруга Анна Панжина (Виктория), их личное солнце потухает. И, бывает, что влюбленность человека, может дать искру, благодаря которой Солнце снова загорается и начинает светить. Эта история о той искре, которая зажгла личное солнце девушки по имени Жанна.

Содержание

Вечер на инструктиве.	4
Глава 1	5
XXXX	9
XXXX	11
XXXX	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Вечер на инструктиве.

Всем любящим посвящается...

Глава 1

Эту историю я не слышала и не придумала. Я все это наблюдала на протяжении всей учебы в университете и, буду рассказывать, стараясь не упустить ни одной важной детали.

Студенчество – это очень прекрасная пора, с одной стороны мы уже взрослые и определившиеся, с другой у нас еще нет взрослых забот, нам не нужно ходить на работу, зарабатывать деньги, содержать семью, ты доволен и в то же время тебя все не устраивает, как критика. Ты еще делишь все: на белое и черное, плохое и хорошее, богатое и бедное, ты вчерашний юный подросток, готовящийся к прыжку во взрослость, у которого все понятно и категорично, а эти преподаватели, мало что понимающие в настоящей жизни, не интересно говорят, на лекциях скучно, хочется спать, болтать. Это потом начинаешь понимать, как это важно, что они говорили, что учеба в университете нужна только для тебя самого, для твоей профессии в будущем. Но ломка в развитии и сознании, в переходе от вчерашнего школьника к настоящему студенчеству, происходит гораздо позже, в основном курсу к третьему. А у нее было все сложнее...

Мы пришли вчерашние школьники и сели на скамьи университета, факультета психологии, нам выдали студенческие билеты. Это было незабываемо. Ощущение счастья и чего-то необычного не покидало меня и, самое неожиданное было

в тот момент, когда нам объявили, что нас будут посвящать в студенты. Представляете? Большинство вчерашних школьников, особенно стремящихся к ведущему статусу в группе и, видимо, ранее ходившие в лидерах, старались принять независимый вид, мол, нас это не касается, что за чушь придумали, все это для детей. Но к великому моему удивлению, на посвящении они были самыми активными и участвовали во всех конкурсах и очень огорчались, если проигрывали.

«Вот это да!» – удивлялась я, совершенно не понимая, почему так, я тогда еще ничего не знала о психологии групп, о фазах их развития.

Только она никому ничего не говорила, а стояла в стороне и просто всех слушала, наблюдала, и еще улыбалась иногда, так, словно все знала наперед, словно ей открыта какая-то тайна. Звали ее Дмитриева Жанна. И она выглядела словно подросток, со взрослыми глазами, непонятные джинсы, толстовка, ветровка и платочек. Всегда платочек на голове. Яркий атласный. А лицо было ухожено так, словно с обложки журнала – красивый макияж, четкие губы и всегда заплетенные волосы. Она как-то выделялась из всех и притягивала взгляд, своей странностью и какой-то недоступностью, как будто она над нами и одновременно с нами. Странно как-то было. Она много молчала и говорила редко, но на удивление ее голос был мягкий и ласкающий слух. И еще, она умела улыбаться, ее улыбка была очень красива, но делала она это очень и очень редко и в основном она была как статуя, кото-

рую отлили из бронзы и покрасили. И еще..., я ее боялась...

Когда я заходила в аудиторию, то глазами искала ее и всегда находила. «Все как всегда!» – пожимала я плечами. Она сидела на последней парте и все время что-то писала, даже когда нужно было просто слушать, или рисовала. В общем занята была всегда, что –то делала... Но больше всех меня поражал ее юмор. Глядя на нее, никогда не подумаешь, что она может шутить. Мы ей в подметки не годились в соревнованиях, она отвечала быстро, колко и метко и как-то по-доброму – человек сотканный из противоречий.

Все в жизни института шло своим чередом. Лекции, семинары, ответы, тесты, и вдруг незаметно подкралась сессия со своими зачетами, экзаменами и всяческими проверками знаний и списывания со шпаргалок.

Это была «Логика». Предмет такой. Мы его не очень любили – все эти законы, доказательства. Нам бы потусить, поболтать, чего-нибудь яркого, интересного, а преподаватель невозмутимо рассказывал, чертил. Мы писали, чертили и вдруг:

– Мы сегодня пишем контрольную работу.

По аудитории пронеслась волна удивления.

– Кто напишет без единой ошибки, тому зачет автоматом, – невозмутимо продолжал он, – на следующей лекции, – и начал чертить и писать задания на доске.

Мы послушно и судорожно начали листать лекции пытаюсь ответить на вопросы, а на следующую лекцию пришли

расслабленные, совсем забыв, что на прошлом занятии писали итоговую контрольную работу.

– Дмитриева здесь? – с порога бросил наш преподаватель Михаил Юрьевич, стремительно подходя к кафедре. Все замолчали, аудитория была полна до отказа, весь поток сидел и томился в ожидании начала занятия и все обернулись назад. Там сидела она и что-то писала. Услышав свою фамилию, она спокойно подняла голову и воскликнула:

– Здесь!

Михаил Юрьевич посмотрел на нее и быстро сказал:

– Давайте свою зачетку. Я вам ставлю автомат.

По аудитории пронесся гул:

– Как? – ошарашенно спрашивали те, которые считали, что лучше их нет на этом свете, – а мы?

А Жанна медленно, словно нехотя, встала и плавно пошла к кафедре, над которой возвышался преподаватель. Когда она проходила мимо Ивана, то он нагнулся к ней и удивленно прошептал:

– Как? Как ты смогла?

Но она, в ответ, поглядела на него и, ничего не сказав, улыбнулась, а Михаил Юрьевич ответил за нее:

– Она единственная выполнила работу без единой ошибки. Идеально. Сколько веду этот предмет – это в первый раз. Продолжим?

XXXX

Мы любили Ваню. В нем было всегда столько жизни и юмора, он был очень интересен и быстр. Много шутил, по добром, не задевая и, всегда попадал в точку. Как-то преподаватель в очередной раз рассердилась на нас и раздраженно бросила:

– Ну, вам не угодишь!

Тут из массы студентов послышался сладкий голос Ивана:

– Угодишь, угодишь..., – все хохотали, даже преподаватель. Мы все помнили рекламу подсолнечного масла, в которой свекровь жарила на сливочном масле и когда ей невестка сделала замечание, та бросила сковороду и обиженно ответила: «Ну, вам не угодишь!!!», а невестка подает подсолнечное масло и сладким голосом говорит: «Угодишь, угодишь...».

А ещё, иногда пускали «листочек присутствия» на занятии, и Иван всех записывал, даже тех, кого не было, и обязательно добавлял каких-нибудь знаменитостей, например, Юру Шатунова или Софию Ротару, и когда преподаватель делал перекличку, то всем было, конечно, очень весело. Он был везде и нигде, со всеми и ни с кем, при этом делал, что желал, как дети, которым скучно и тогда они начинают себя развлекать, не замечая, что оказались в центре внимания. С одной стороны он умен, красив, брутален, душа компании, а

с другой – ему совсем не было интересно учиться и, скучны были обычные люди, их внутренний мир, привычки, представления. Он был из очень состоятельной семьи, прекрасно и модно одевался, и тех, кто был в группе отверженных, он не замечал, но почему-то всех их знал. Было ощущение, что компания, которой принадлежал Иван, ходила в университет забавляться и развлекаться, обесценивая знания и профессию.

Как-то я услышала их разговор с Борисом, с которым они очень сдружились еще на вступительных экзаменах и были дружны все пять лет учебы, сидели вместе, ходили вместе, шутили бесконечно друг над другом.

– Ты видел? Эту из параллельной группы? Которая зачет получила?

Борис ухмыльнулся:

– Ага, странная какая-то, инопланетянка...

К ним подключилась девочка одногруппница, за которой в свое время ухаживал Иван, но что-то не срослось:

– Безвкусица. Одевается как с помойки.

Парни посмотрели на нее и ничего не ответили, но когда Дмитриева проходила мимо, Иван посмотрел на нее и тихо, растягивая слова, поинтересовался:

– Где ты одеваешься? – все прыснули со смеху.

А Жанна посмотрела на них безразлично, и тускло ответила:

– Там, где тебе и не снилось, – они не ожидали такого от-

вета и просто захихикали.

XXXX

Так, постепенно каждый завоевывал или определял свое место в коллективе и позднее стали привыкать ко всему.

А вокруг осень забирала свое время и вступала в свои полные права и обязанности. Всюду желто-красная листва, сырость, прохлада и яркие краски повсюду. Это очень красивая пора. Поистине велика Милость Божья, дающая нам созерцать, наблюдать и участвовать в такой красоте. Пусть не долгая, пусть мимолетная, но счастливая и полная впечатлений. Словно набираешься сил и надежды в эти мгновения, для последующей, долгой и мрачной поры, переходящей в зиму. Только некогда тосковать мрачнеть, подготовка к сессии, нескончаемые зачеты, преподаватели, которые остаются в памяти на всю жизнь, порождая внутреннюю гордость за себя – «я смогла!» или обиды, когда отправляют на передачу.... Но всех впереди ждет самая сладкая и долгожданная награда – каникулы. Это просто счастье, непередаваемое словами! Не смотря на то, что пора эта зимняя – развлечений не мало, начиная с поцелуев на морозе и горячего чая в теплом пледе, после долгого катания на коньках. А ещё, лыжные курорты завлекали своими манящими снежными вершинами, стремглав несясь с которых, словно окунаешься в дет-

ство, сбрасывая с себя оковы правил, этикета и становишься просто самим собой, не задумываясь, что о тебе подумают другие. Один Бог знал, как я мечтала об этом. Но впереди сессия со своими экзаменами и зачетами. И каждый старался, как мог, лишь бы выбраться и выплыть в это время, особенно, было интересно наблюдать за игрой мальчишек – любимчиков группы и девчонок-отличниц.

Ах, эти мальчишки! Они знали, что красивы, сексуальны и, в коллективе, где девочек гораздо больше, чем мальчишек, они были нарасхват, особенно такие яркие. И, накануне сессии, они начинали судорожно обивать пороги отличниц, подкатывая к ним со своими обворожительными улыбками, от которых те таяли, не привыкшие к мужскому вниманию. И мальчишки, из популярной компании, очень умело этим пользовались.

Я приходила на экзамены, как на этап вынужденный и неизбежный, разумеется, придумывая на ходу где и как списать и ответить. Вы не подумайте, что я двоечница, нет, просто мне жалко было тратить время впустую, на профессию, которая мне может и не нужна, я старалась для родителей. Мне было жаль времени на учебники и библиотеки, я боялась, что жизнь пройдет мимо меня и старость незаметно подкрадется, и все тусовки, интересные люди, посиделки с компанией и подружками в ресторанах пройдут мимо. А мне очень интересны люди, особенно талантливые и одаренные, чаще всего очень отличаются от других и у них есть чему

поучиться.

На экзамене мы сидели, и все ждали, кто решится идти первым. Удивительно, но Дмитриева, посмотрев, на всех, встала и пошла отвечать. Они и десяти минут не посидела! В этот раз она была без платочка. Я и узнала-то ее не сразу. Вполне красива, черные волосы на прямой пробор, сзади собранные в шишку, бежевая, строгая блузка и черные брюки и, как всегда, красивый макияж, ее лицо словно притягивало к себе. По крайней мере у меня возникали такие чувства. Ну, так вот, она встала и размеренно, не спеша, села на стул около преподавательницы и начала отвечать. Мы замерли. Я была поражена, преподаватель тоже.... Дальше она стала задавать Жанне вопросы и та отвечала, не задумываясь, словно заранее знала, что ее спросят и поэтому хорошо подготовилась. Ольга Васильевна поставила «отлично» не задумываясь. После таких ответов отвечать ни кому не хотелось идти и нас стали вызывать по списку....

Сессию я сдала и довольно успешно, всеми правдами и неправдами, но сдала! После я с родителями улетела в другой город, отдыхать, веселиться и набираться сил, как часто говорила моя мама, которая очень-очень радовалась моей учебе и моим успехам. Мы катались в горах на специальных лыжах, обедали в лучших ресторанах и гостиницы с лучшими номерами были в нашем распоряжении – было просто так здорово и весело, что все мои переживания в университете как рукой сняло. Вся учеба стала такой нереальной и да-

лекой-далекой, как сон. Я наслаждалась жизнью, стараясь не думать о том, что скоро все кончится и все начнется заново. Мне тоже было скучновато учиться, но я старалась ради родителей, несмотря на то, что новые эмоции, необычные люди мне были интереснее и тут мои мысли вернулись к Жанне. В ней было много такого, что мне было не понятно.

Я вспомнила, как во время сессии зашла в библиотеку и увидела ее сидящую за столом с кучей книг. Я подошла и поздоровалась. Она кивнула мне. Я присела рядом и, оглядев кипу книг и тетрадей, спросила:

– Что ты читаешь?

Она, посмотрев на меня, ответила:

– Ничего особенного.

– К экзамену готовишься?

– Нет. Желания нет. Книги взяла, а желания нет, – пожала она плечами. – Вот, читаю то, к чему есть желание..., – и показала книжку, с которой я раньше не встречалась.

– Что это?

– Мария Семенова «Валькирия».

– А-а-а, – протянула я и, в этот момент, мой взгляд наткнулся на листочек, лежащий на тетрадке. Я взяла его и пробежала глазами, там было стихотворение:

– Это твое?

– Мое, – вздохнув, ответила она.

– Можно я его себе перепишу?

Жанна внимательно посмотрела на меня и спросила:

– Зачем?

– Мне понравилось, – просто ответила я.

Она улыбнулась и сказала:

– Как хочешь.

Я взяла листочек и ручку и начала переписывать:

Царит гармония в душе

Тогда, когда легко на сердце,

Сегодня ты придешь ко мне и скажешь,

Как тяжело тебе живется...

Ну что могу сказать тебе?

Моя любимая подружка,

Живи, не предавай людей,

Забудь о подлости подружка.

Не говори ты зло о них,

Не сделали тебе плохого,

Живи, люби друзей, родных

Не надо дня ждать рокового...

Есть в мире много красоты,

Столь много грусти и печали,

Но как же мало доброты

И как ее нам не хватает.

Как мало радуемся за людей,

Как мало же ошибок мы прощаем,
Как мало говорим с звездой
И благодать не замечаем...

Пусть много повторяюсь я
Пусть будут это лишь мечты
Но, Господи, прости меня,
Как мало в мире доброты.

Я, написав, посмотрела на нее, она уже читала и, было видно, что мысли ее очень далеко, совсем не здесь, и я встала:

– Ну, ладно. Пойду я...

– Иди, – улыбнулась она, и моя легкость куда-то подевалась.

После каникул, появившись в институте, обнаружила, что нас очень мало, но постепенно все стали собираться, приезжать иногородние и все потекло по новой: лекции, семинары, тесты, списывания, а я, чтобы разнообразить свою жизнь ходила на выставки, общалась с подружками, мы частенько наведывались в рестораны и ночные клубы. В общем, у меня сложилось две жизни: скучная и однообразная в институте и яркая, манящая вне стен этого заведения, доступная не для всех, мало кто знал, кто я такая, точнее никто. Да и я не распространялась, как оказалось потом, была такой не одна...

XXXX

Она вошла в аудиторию как-то необычно, словно прыгнула с вышки. И мы все ахнули. Про себя. Потому, что с ней нельзя было ахать громко и вслух. Вчера сидела девочка-подросток, а сегодня – это элегантная и красивая девушка. Она впервые пришла не заплетенной, не с шишкой сзади, а распустила свои шикарные черные волосы на прямой пробор. Челок она не носила. Вместо джинсов, спортивной толстовки, на ней были черные широкие брюки и темно-синяя трикотажная кофточка с длинными рукавами. И все. Нет, не все. Еще каблуки, которые делали ее визуально еще выше и стройнее. Этот наряд очень выгодно подчеркивал, как выяснилось, ее красивую фигуру. Мне она напомнила одну очень известную актрису. Спокойная, необычная, немного стеснительная. И мы, конечно, все промолчали, но глаз с нее не сводили, просто смотрели. Первыми с ней заговорили мальчишки, начали заигрывать, а она им улыбалась и ничего не говорила. И когда, начался семинар, она вдруг встала и пошла, отвечать самая первая. Вот это было здорово! Мы опять сидели ошарашенные, более того, преподавательница, сидевшая к нам лицом, а к отвечающему студенту за кафедрой, спиной, все время оборачивалась, чтобы посмотреть на нее, а потом и вовсе, оставив свои бумаги, повернулась к ней,

внимательно слушая выступление и улыбалась ей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.